

В Вашингтоне,

Сов. культура. — 1990. — 3 номер — с. 12, 13

Монологи двух уехавших из России деятелей культуры, записанные нашим министром экологии, когда он был в Америке по совсем другим делам.

Николай ВОРОНЦОВ: «Я почувствовал грехи своей Родины...»

В марте прошлого года (в тот день я был выбран в народные депутаты СССР) я впервые в своей жизни вылетел в Америку, в месячную командировку — читать лекции в американских университетах. В Вашингтоне меня принимал профессор Роберт Хофман, с которым мы не одну экспедицию провели на территории Советского Союза в те самые годы, которые называются «периодом застоя» (тогда с огромным трудом нам удалось организовать несколько совместных с американцами экспедиций). Это человек, с которым я жил в одной палатке, и у нас с ним очень теплые и доверительные отношения. Сам Хофман сейчас занимает пост заместителя секретаря по исследованиям. Это огромная система музеев, в которой работают он сам и его жена Салли Хофман. Люди эти знают русский язык, прекрасно относятся к Советскому Союзу. Их личный вклад в пространство советской культуры огромен.

Они мне сообщили, что 14 апреля в русском литфонде состоится вечер, посвященный памяти писателя Юрия Елагина, русского эмигранта, скончавшегося в Америке. Поводом для встречи послужило посмертное издание его произведений. Я только слышал эту фамилию, с его творчеством не был знаком, но меня привлекло то, что там планируется выступление Мстислава Ростроповича и Василия Аксенова. Более того, я даже не понял по программе, в каком качестве Ростропович будет выступать: как виолончелист или как мемуарист.

Тогда Ростроповичу еще не было возвращено советское гражданство, которого он был несправедливо лишен. И я чувствовал своего рода грех за Родину, но вот отправился на этот вечер. Не скрою, немного трусил, потому что знал: вечер эмигрантский, а как дитя системы я был немножко предубежден, но тем не менее отправился. По дороге завернул в магазинчик, купил цветы и с букетом цветов отправился на этот вечер. Я вручил цветы Ростроповичу. Он это очень тепло воспринял, мы расцеловались, хотя никогда не были знакомы, не встречались.

Вечер этот вела госпожа Якобсон. Она представительница известной русской фамилии. Она из той же самой семьи, о которой ходило по устам известное: «Напролет болтал о Ромке Якобсоне и смешно потел, стихи уча». Роман Якобсон — друг Маяковского — стал крупнейшим, мировой сла-

вы лингвистом. Крупным специалистом в области литературоведения и культуры был и его брат. Клуб этот ведет вдова брата Романа Якобсона, госпожа Якобсон.

Встреча эта была уже после трех недель перелетов по разным городам Соединенных Штатов, и я довольно хорошо представлял себе, в каких местах собираются такого типа вечера у американцев. И был шокирован, когда увидел помещение, в которое вошел. Это был какой-то подвал, кажется, школьного здания. Похожий на наш жэковский клуб, с разномастными стульями, с незамаскированными трубами отопления...

И вот там собралось человек 100—150, представители русскоязычного Вашингтона. Среди них было очень немного людей первой эмиграционной волны, были представители среднего поколения. Все они собираются раз в месяц в этом клубе литфонда для того, чтобы пообщаться друг с другом, послушать русскую речь.

Я записал эту встречу. Признаться, я чувствовал себя немножко героем, попавшим в это, как у нас было принято называть, «эмигрантское логово», там были и два ленинградских профессора, там я встретил Серго Микояна, который представил нас.

Все это происходило в дни, когда тогдашний советский посол в Америке Юрий Дубинин торжественно вручил Ростроповичу членский билет Союза композиторов и фотографии об этом вручении как предвестнике благих поворотов в нашей истории появились в ряде американских газет. Так что вполне понятно, почему Ростропович возвращается во время этих воспоминаний о Елагине к истории своего исключения из Союза композиторов.

Василий АКСЕНОВ: «Я был охвачен аурой того времени...»

Мне кажется, что русской литературе, хотя она и очень сильно пострадала и от утечки талантов, и от разных репрессивных мер, в принципе повезло. Потому что наличие уже в течение семидесяти лет довольно сильного отряда за пределами России обогащало всю русскую культуру. К таким людям принадлежат, например, выдающийся деятель русской литературы Борис Филиппов, осуществивший беспрецедентные издания Мандельштама, Ахматовой, Гумилева. Другим из таких людей, которые продолжали традиции русской литературы и делали это без страха и упрека, без каких-либо выгод для

себя, был Юрий Борисович Елагин.

Я помню зиму 1969 года в Ялте, когда один из тайных книгонош самиздата дал мне почитать на две ночи книги Юрия Елагина «Темный гений» и «Укрощение искусств». Я был потрясен этим ощущением восстанавливающейся цепочки имен, цепочки событий, традиций великой культуры. Это восстановление осуществлялось вдали от России. А мы в Ялте, сидя на горе недалеко от чеховского дома, читали книги Юрия Елагина, и снова все выплывало: Москва 30-х годов. Все, о чем ходили тогда, в 1969 году, только еще смутные слухи: об убийстве Мейерхольда, о других прочих гадских делах, производимых тогда. Для меня самое дорогое в книге «Укрощение искусств» — это атмосфера Москвы, которую создал Юрий Борисович Елагин. Вплоть до мелких вещей, которые особенно могут быть дороги. Например, его описание московских ресторанов. Это просто замечательные страницы книги. С каким знанием дела! Мы помним хорошо, какой он был. Любил поесть и знал толк в крепких напитках. Страшно любил угостить. Он презирал сухие вина, но зато в водках разбирался гениально. Для меня он, например, сделал потрясающее открытие, заявив, что самая лучшая в мире водка — это «Измилская», турецкая. Этот парадокс меня поразили. Турки все-таки непьющий народ, им по исламу не полагается пить, но они, оказывается, производят самую великолепную водку в мире. Такие парадоксы бывают и с другими нациями: то, что им не полагается делать, они делают и — неплохо.

Надо сказать, что сейчас вообще немало парадоксов. Вот нынче в Советском Союзе вновь начинается печатание ранее запрещенных вещей. Я недавно в Нью-Йорке встретил одного важного человека, и он мне говорит: «Знаете скоро будут публиковаться (или уже опубликованы?) «Письма Короленко к Луначарскому». Я говорю: «Позвольте, я их лет двадцать назад читал, эти письма, еще не будучи в эмиграции». Какие-то неожиданные сферы жизни России начинают соприкасаться.

Мог ли я тогда в Ялте, читая «Укрощение искусств» и «Темный гений», думать, что когда-то встречу с автором и мы станем большими друзьями. Такое и в голову не могло мне прийти. Хотя, конечно, я знал, что где-то в Америке есть два Елагина: Иван Елагин и Юрий Елагин. И вот, когда познакомился, мы с женой были просто потрясены тем, во-первых, как он точно соответствовал образу такого замечательного москвича — старой, театральной, вахтанговской традиции. И это было поразительно: увидеть и иметь такого друга здесь, все-таки в чужом мире. И с другой стороны — видеть в нем не только москвича, но и такого американца, который передавал нам свой опыт, да-

В небольшом подвале...

же заражал нас своим, каким-то американским, я бы сказал, техасским оптимизмом. Он был подчеркнутый тхасец. Он ведь провел много лет в Техасе и часто говорил: «Василий Палыч, не беспокойтесь, пока стоит Техас — все будет в порядке».

Когда мы говорили, например, о положении в Ливане, в Бейруте, где полный развал и анархия, где разные партии друг друга убивают, он мне как-то сказал: «Туда бы надо пару дюжин наших тхасских рейнджеров — все было бы в порядке за одну неделю».

Меня особенно подкупало его жизненное и приверженность к искусству. Обычно после ужина он всегда ставил свою любимую пластинку и представлял нам: вот новая скрипка, вот новый пианист. Он был истинный музыкант, конечно. Но об этом скажет Ростропович.

И, разумеется, он был замечательный писатель. Его язык прост, порой наивен, но это очень емкий и острый язык. Его портреты в книге «Укрощение искусств» просто удивительны. Например, портрет его сотоварища по оркестру графа Шереметева. Если кто читал, то, может быть, помнит: это был молодой, один из целых потомков древнего рода, любовник, насколько я понял, Мансуровой. Описание этого человека, уникального в советской среде, просто замечательное. И таких портретов в этой книге много. Сковывающий людей ужас соседствовал с определенным, я бы сказал, разгулом и шиком, существовавшим тогда в обществе.

Подарив свою книгу нам при нашем знакомстве, Юрий Борисович написал на ней: «Как давно я написал эту книгу, а они все укрощают и укрощают». Эта надпись была сделана в 1983 году, то есть через 33 года после написания книги. И тогда они упорно и целенаправленно продолжали укрощение русского искусства. Сейчас, кажется, поняли, что это бессмысленное дело, это неукротимый зверь. И, в общем, я бы даже сказал, не очень и агрессивный. Хотя, в принципе, укрощение, может быть, и продолжается.

Незадолго до этого вечера я снова стал перечитывать его книги, и снова я был охвачен аурой описанного им времени.

Мстислав (РОСТРОПОВИЧ): «Когда меня восстановили, я узнал, что был исключен».

Когда русские встречаются, сначала все идет замечательно, потом они начинают почему-то спорить. А иногда бывает даже скандал. Сейчас я нахожусь на грани небольшого скандала, а может, и большого. Потому что когда дело касается Юрия Елагина, я не могу терпеть фальсификацию истории. А такой фальсифика-

тор среди нас — это Вася Аксенов.

Когда он сказал о том, что лучшей водкой была признана «Измирская», — это непростительная фальсификация. После больших изыскательских процессов, после больших дискуссий и после действительно серьезного анализа мы пришли к обоюдному убеждению, что лучшая водка в мире — это шведская водка «Эксплорер». Вася, прости милый, теперь все стоит на своих местах. Нужно сказать, что эту водку (это просто для сведения) выпускают в Гетеборге, достать ее в США невозможно, я вожу ее через таможню, идя на очень большой риск. Однажды, когда у меня был концерт в Гетеборге, я через своего менеджера решил созвониться с заводом, который выпускает «Эксплорер». Подошел, был такой, как обычно бывает, швед под шафе. Назвался менеджером. И я не выдержал, какая-то поэзия влилась в мое сердце, и сказал: «Вы знаете о том, что ваша водка лучшая в мире?» Он мрачно ответил: «Мы-то это знаем, но хорошо, если бы это знали другие».

Мне когда-то Прокофьев сказал одну вещь. Не знаю, где он это вычитал, не то у Драйзера, не то у какого-то другого писателя: бывают люди, которых даже не надо глубоко закармливать после того, как они умрут, просто присыпать землей и все. А бывают люди, которые живут такой полноценной большой жизнью, что, когда они умрут, их надо закопать глубоко... В этом действительно есть смысл силы человеческой жизни. Не только жизни интеллектуальной, моральной. Вы знаете, когда человек уходит, через некоторое время ты понимаешь: а ушел он из твоей души? Я уже по возрасту многих потерял людей, мой, можно сказать, баланс друзей на небе больше, чем, может быть, даже на земле. Я потерял многих людей. И некоторых очень близких людей я потерял, не видя и не прощаясь с ними. Те, например, которые умерли в Советском Союзе после того, как я уже был оттуда изгнан.

Вот Юрий Елагин, который ушел в иной мир. Мне не хватает его каждую секунду. И каждую минуту я чувствую, что его нет со мной. Это был человек, который вливал какую-то энергию жизни в своих друзей. И когда было тебе грустовато, ты всегда к нему приходил. Нужно сказать, что я настолько его полюбил, что я однажды пришел к нему со своим одеялом, и это одеяло до сих пор находится, я надеюсь, в его доме. Потому что в силу какой-то русской природы, когда приезжаешь поздно вечером после концерта и вот когда рассядешься, действительно рассядешься, послушаешь его — никуда не хочется уезжать. Он был смел и в комплиментах, и в критике. Это замечательно. Потому что когда человек находит какую-то среднюю линию между комплиментами и между критикой, вот тогда, мне кажется, рождается серость.

Да и в музыке, если ты находишь какую-то среднюю линию между громким и тихим, то рождается такой тип музыканта, которого Шостакович презрительно называл «меццофортист», то есть музыкант, который играет ни тихо, ни громко — а меццо форте.

Елагин никогда не был меццофортистом в жизни. Он всегда был ярчайшей личностью. Иногда он меня подзадоривал, иногда я его. Он часто заезжал за мной на своей «хонде», и мы вместе ехали к нему. Он сосредоточенно вел автомобиль, а я наблюдал его замечательный профиль со вздернутым носом. И когда мне хотелось немножко веселиться, я ему говорил о каком-нибудь политическом деятеле. Например: «А ты знаешь, Юра, я все больше и больше думаю, что Картер замечательный президент». Юрий начинал почти вибрировать рулем и почти кудахтать. В этот момент я получал удовольствие и говорил: «Успокойся, успокойся, я так не думаю». И он успокаивался...

Он был человеком замечательных реакций, человеком, с которым можно было говорить, как совершенные игроки играют в теннис: реакция на мяч, реакция — прыжок, реакция — падение — но это всегда так красиво.

Что сказать о его замечательной книге? Я уже в предисловии написал о том, что я ее привез в Советский Союз с огромным риском. Во-первых, я должен сказать, что я так счастлив, искренне счастлив — я не боюсь этих слов. Я счастлив, что в этом зале находятся советские люди, которые приехали сюда не в качестве «сопровождающих», а в качестве больших людей в своих профессиях. Я ездил из Советского Союза с «сопровождающими» — выполняющими роль переводчиков. Один из них, с которым я имел счастье путешествовать по Австралии и Новой Зеландии, владел английским языком, как я китайским. И единственную фразу, которую я у него выучил за два месяца, — всем, кто к нему обращался по-английски, он говорил только одно — это было: «Репит, плиз».

Я не считаю себя эмигрантом. Но, бывает, когда оказываешься эмигрантом. Меня им сделали.

Те самые процессы, которые сейчас происходят в Советском Союзе, которые не могут не волновать всех нас, они очень сложные. Иногда не знаешь, как и на какие из этих процессов реагировать. Например, однажды здесь я узнал из газет, что меня восстановили в Союзе советских композиторов. А Елагин как раз много пишет о Союзе композиторов, в частности, о его первом секретаре Тихоне Николаевиче Хренникове. И вот когда я узнал, что меня восстановили в Союзе композиторов, я получил массу поздравительных телеграмм. Многие поздравляли, как с огромным событием в моей жизни.

Я полностью растерялся. Потому что только в этот день я узнал, что

я был изгнан из Союза композиторов. Я об этом раньше никогда не знал. Даже иногда думал: а ведь все-таки какие порядочные люди в Союзе композиторов, как втихую они меня там держат. И вот я узнал, что, оказывается, я был выгнан оттуда в 1978 году, 27 марта, — как раз в день рождения. А вот сейчас меня восстановили, позавчера мне вручили билет члена Союза композиторов. Билет подписан Тихоном Николаевичем Хренниковым. А кто меня выгнал? Тихон Николаевич Хренников.

Восстановили меня, а в новом билете есть такая графа: время вступления в Союз композиторов, — там написана правда — 1950 год. А что в этот период произошло? Вроде как в творческом отпуске находился?

А ведь тоже, положение Хренникова непростое. Он должен сейчас перековыряться. Он меня выгнал, а теперь его перековали, и меня приняли обратно. А может ли человек перековаться искренне так? А ведь ему уже 80 лет. Не знаю. Я пока в 62-х нахожусь — уже перековываться трудно, а в 80 — будет еще труднее.

Я благодарю судьбу за то, что там происходят такие изменения. В то время официальные лица из Советского Союза старались подмочить мою репутацию, как-нибудь распространить слух плохой — я знаю это все. Приезжали, скажем, в Париж и говорили: если вы порвете контракт с Ростроповичем, мы пришлем балет Большого театра по дешевке. И со мной рвали контракт.

Были попытки как-то принизить, ухудшить мое качество как музыканта... Но сейчас, когда люди начинают дышать, когда начинаются хорошие отношения, мне кажется, что мое искусство находится в опасности опять-таки из-за Советского Союза. Получая все газеты, я их читаю от корки до корки, и это отнимает столько времени ночью, что у меня нет сил и времени заниматься.

Жаль, что Юрий Борисович Елагин не дожид до этого времени. Но думаю, что его дух, его присутствие среди нас и с нами радуется тому, что происходит. И я думаю, что все мы можем радоваться этому.

И последняя новость. Позавчера мне позвонили из журнала «Советская музыка» и сказали, что там в следующем месяце начинают печатать части книги «Галина», которую написала моя жена. Поверить в это очень трудно.

Мне кажется, мы не будем особо задерживаться сегодня. Мы сегодня собрались по поводу книги, мы собрались еще больше по поводу памяти человека, который был так искренен во всем. Человека, который нас объединял. Человека, который, уйдя от нас, приводит к таким замечательным встречам, какая у нас сегодня.

Публикацию подготовил
А. ГАСПАРЯН.